

персона

Парадат 2004 г. 18 мая — С 12. 28.05.04

“меня не приняли в консерваторию из-за двойки по истории СССР”

дирижер Лев Маркиз — Газете

Лев Маркиз: «Когда меня приглашают в Россию, я собираюсь пойти в одно место, в другое, а потом приезжаю и никуда не хочу идти»

Фотограф: Никита Инфантьев / Газета

Какие, например?..
Есть пластинка, где впервые в нашей стране записаны концерты Баха для двух, трех и четырех клавесинов с оркестром. Солистами были Алексей Любимов, Борис Берман, Михаил Мунтян и покойная Любовь Любимова. Такая запись была возможна только в Петербурге — в Москве физически не было четырех клавесинов! Участвовало человек вдвадцать, абсолютные сливи. В финансовом смысле это было ниже нуля: ведь музыканты должны были выехать в Питер и в течение недели там жить. В гостиницах, как всегда, места не было. Все жили где попало: так, троек спиральчика, один из которых был «городинец» Андрей Абраменков, жили в квартире без мебели и спали на полу. Работали мы целыми днями. Когда уставали, кто-то бежал за едой, и мы сидели во дворе капеллы, ели, грелись на солнечке. Атмосфера была замечательной! Но для осуществления замысла требовалось собрать в студии четыре клавесина — они все находились в разных местах. Для решения этой проблемы Любимов и Берман выехали на четыре дня раньше. Месяца через четыре каждый получил деньги. Раза в три меньше, чем потратили! Зато пластинка вышла.

Почему вас не пускали за границу — дело в пятом пункте или в чем-то еще?
Об этом я могу рассказать до ночи! Такая история: в 1958 году оркестр Баршай выехал в Венгрию. Однажды весь коллектив пригласили в цирк на бразильское шоу «Карнавал в Рио». А днем меня позвали на премьеру оперы Штрауса «Саломея». Но за границей ходить одному никуда было нельзя. Я спросил разрешения у нашего кэбшника, он был против. Тогда я позвал с собой органиста Сергея Джурова, нас отпустили с большим скриптом, вечером велись бы ворвемся. Мы получили удовольствие, после «Саломеи» сходили на фурштак, а вечером пришли в цирк, мне досталась билет в первый ряд. В шоу участвовали очаровательные полуодетые бразильянки, они стали выбегать в зал и приглашать молодых людей танцевать.

Венгры в 1958 году были раскрепощенное нас, для них это было ограничено, но не для нас! Две девочки подбегают ко мне, хватают под руки, смеются. Дело пахнет катастрофой, однако оттолкнуть их я не могу, иду с ними на арену и пляшу. Из этого раздули жуткую историю! По возвращении в Москву все утихло, но в следующую поездку меня уже не пустили. А в 1975 году покойный Кирилл Петрович Кондрашин предложил мне поехать с его оркестром в Европу — его концертмейстер за месяц до поездки подал заявление на выезд. Меня не пустили, Кондрашин обещал заняться этим сам. На каждом этапе мое «дело» тормозили, и наконец мы пошли в рапорт к одному из секретарей. Звали его — нарочно не придумаешь — Тигрий Александрович Фигурин! Садимся; напротив Фигурину сидит народный артист СССР Кондрашин, рядом. Фигурин листает мое досье и спрашивает: а что?

Кондрашин просит объяснений. Фигурин

«Меня не выпускали за границу — я не мог вывезти оркестр, а тогда от этого зависело все. Люди хотели заработать сто долларов, накупить два чемодана бараха и продать его здесь»

Дирижер Лев Маркиз — Газете

у вас была за драка в Лондоне? Я не понимаю, о чём речь. Оказалось, что после Венгрии Баршай всем писал характеристики. Свою я вижу как сейчас, можете мне верить или нет. Там пересказывались мои звания, шли хорошие слова, а в финале одна фраза: «Во время гастролей оркестра в Венгерской Народной Республике проявил аморальность, заключавшуюся в том, что принял участие вместе с бразильскими артистами в общей западноевропейской пляске». Неплохо, правда? Но Кондрашин настоял, и я поехал. Провел полтора месяца в Европе и понял, что пора уезжать. Жалею, что понял это так поздно.

Почему вы оставили свою основную специальность — скрипку, отдав все силы дирижированию?

Был ли жаль расставаться со скрипкой? В общем, нет, это произошло органично. Я ушел от Баршай, стал концертмейстером камерного оркестра, затем превратился в играющего руководителя. Но когда с оркестром репетирируешь, играть уже нельзя — надо слушать. Репертуар настоящего камерного оркестра состоит сейчас не только из Вивальди, но и в значительной степени из музыки XX века. Можно и ее играть без дирижера, но тогда репетиции займут во много раз больше времени; и дирижера все равно будет не хватать. Сначала я дирижировал только на репетициях, стремления делать это на концертах у меня не было. А заниматься в одном концерте и тем, и другим безумно тяжело; это еще почти никому не удавалось. В виде исключения можно назвать Баренбойма: у него это получается без проблем. А уж на что крупным музыкантам был Давид Ойстрах — даже он дирижером так и не стал. Хотя, когда он стоял перед оркестром, влияние на музыкантов оказывало колоссальное.

То же и Менухин: не дирижер, но личность.

То есть на Запад вы выехали уже сложившимися дирижером?

Не совсем: я выехал сложившимся музыкантом. Как дирижеру мне сразу же пришлось столкнуться с крупным симфоническим репертуаром, которым в России не занималась, — это оказалось очень полезно. В Голландии меня ждал Кондрашин, мой учитель, друг и советчик. Там же был Ростислав Дубинский, бывший примариус квартета Бородина и тоже мой учитель, которому я многим обязан, хотя если вспоминать такие подробности, то надо писать книгу... В 1950 году меня не приняли в Московскую консерваторию. Пятый пункт. Двойка по истории СССР. Я оказался в гнесинском институте — не было бы счастья, да несчастье помогло. По скрипке попал к Юрию Янкелевичу. Шесть лет провел в классе камерного ансамбля Марии Юдиной, где «иллюстратором», подыгрывающим студентам в ансамбле, был Дубинский. Я общался с ним, с Валентином Берлинским, они даже хотели меня взять в квартет. Но меня не оформили, поскольку отец мой находился на Колыме.

Работаете ли вы сейчас постоянно с тем или иным оркестром?

Нет. Двенадцать лет я отдал «Новой Симфонии Амстердама», это была тяжелая работа. Сейчас я шеф двух оркестров, один из них носит прошлое название «Виртуозы Италии». Но финансовая ситуация везде плохая, а с моим женевским оркестром подготовить одну настоящую программу стоит 70—80 тысяч швейцарских франков — это немыслимо. Предпочитаю работать с симфоническими оркестрами, а если с камерными, то лишь с очень хорошими. Это мне интересно — поездить, и подальше. Предпочитаю Юго-Восточную Азию, например Сингапур. Оркестр там замечательный! В сентябре играю с ними Чайковского. Во-первых, я обожаю Сингапур. Во-вторых, простите за прозу, там платят много денег. В-третьих, там феноменальная еда. И отчего же при таких условиях не поработать с хорошим оркестром? Я пересмотрел свои взгляды на работу и не хочу положиться на долгие годы, которые мне остались, на что-то масштабное. А вообще в мире есть очень хорошие оркестры, с которыми я с удовольствием работаю. Это и оркестр Би-би-си, и камерный оркестр Лозанны, пара оркестров во Франции и Германии.

Какой репертуар вам сейчас наиболее интересен?

Играю очень много современной музыки. Разумеется, я всегда с удовольствием играю и Стравинского, и Бартока, и Хиндемита, но люблю исполнять и Лигети, и Булеза, играл премьеры многих современных итальянцев. Одно время я работал с радио-оркестром Неаполя, сейчас его уже нет. Его артистический директор специализировался по авангарду — он мне такие подсовывал партитуры, что волосы дыбом вставали. Играю много голландских авторов: например, Луи Андриссен — замечательный композитор! У него есть симфония для пустых струнных: 18 струнных инструментов, каждый из которых играет на пустых струнах и каждый по-разному настроен. Это создает потрясающий эффект! А в октябре в Германии у меня программа: Такемицу, Бриттен и Шостакович. Это я играю с удовольствием.

газета

через Голландию —

в Сингапур

Лев Маркиз родился в Москве в 1930 году. Обучался в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных у Юрия Янкелевича и Марии Юдиной. В 1955—1964 годах был концертмейстером и солистом Московского камерного оркестра под управлением Рудольфа Баршай. В 1964 году создал ансамбль солистов из лучших музыкантов Москвы, с которым выступал в качестве дирижера. С 1981 года Маркиз живет в Нидерландах, где в 1988 году стал руководителем оркестра Nieuw Sinfonietta Amsterdam. С 1997 года Маркиз — главный дирижер Камерного оркестра Женевы. Дирижирует также оркестрами Франции, Италии, Швейцарии, Канады, Израиля, Сингапура. Раз в несколько лет выступает в России. Маркизом впервые записаны многие опусы Альфреда Шнитке и других современных авторов.